

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13562

EDN: RKDQRV

Христианская аксиология героев романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»

А. С. Кондратьев

*Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(г. Липецк, Российская Федерация)*

e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Аннотация. Дилогия В. С. Гроссмана «За правое дело» и «Жизнь и судьба» вполне может быть рассмотрена как часть советской литературы, но ее же можно проанализировать и в контексте «большого времени» русской культуры, что и предлагается в настоящей работе. Сталинградская битва преломляется в истории семьи Александры Владимировны Шапошниковой. Роман «За правое дело» начинается с семейного торжества в доме героини перед наступлением вражеской армии и с планов домочадцев на вызывающее тревогу будущее. «Жизнь и судьба» завершается встречей ее близких перед возвращением к мирной жизни, когда настает пора размышлять о потерях и обретениях. Продолжая толстовскую традицию освещения духовного становления человека на войне, Гроссман руководствуется категориями национального самосознания, восходящими к оппозиции Закона и Благодати. Если в романе «За правое дело» на первый план выходит картина военно-исторических испытаний православного народа, то в романе «Жизнь и судьба» — благодатное влияние Святого Духа на судьбы мира и человека. В «большом времени» русской культуры актуализация художественных установок «соцреализма» в первой части не имеет значения, как и содержание второй книги не сводится к военной тематике или же к проблеме свободы на законническом поле (на грани с беззаконием). Итоги жизненных исканий героев обусловлены возобладавшими в их сознании ценностными ориентирами: на смиренное исполнение предначертанной судьбой и на благодатное личностное становление.

Ключевые слова: В. С. Гроссман, За правое дело, Жизнь и судьба, духовная традиция, христианская аксиология, нравственное преображение, Шапошниковы, Мостовской, большое время

Для цитирования: Кондратьев А. С. Христианская аксиология героев романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 284–298. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13562. EDN: RKDQRV

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13562

EDN: RKDQRV

Christian Axiology of the Characters of the Novel by V. S. Grossman's "Life and Fate"

Alexander S. Kondratiev

*Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky
(Lipetsk, Russian Federation)*

e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Abstract. V. S. Grossman's dilogy "For a Just Cause" and "Life and Fate" may well be considered part of the Soviet literature corpus, but it can also be analyzed in the context of the "big time" of Russian culture, which is proposed in this work. The Battle of Stalingrad is reflected in the family history of Alexandra Vladimirovna Shaposhnikova. The novel "For a Just Cause" begins with a family celebration in her house before the attack of the enemy army and with the household's plans for the alarming future. "Life and Fate" ends with a meeting of her loved ones before returning to a peaceful life, when it's time to reflect on the losses and gains. Continuing Tolstoy's tradition of emphasizing the spiritual evolvment of man in war, Grossman is guided by the national identity categories that date back to the opposition of Law and Grace. In the novel "For a Just Cause" the description of the military-historical trials of the Orthodox people comes to the fore, while "Life and Fate" is about the gracious influence of the Holy Spirit on the destinies of the world and man. In the "big time" of Russian culture, the actualization of the artistic installations of "socialist realism" in the first part does not matter, as does the reduction of the second book to military subjects or to the issue of freedom in the legalistic field, on the verge of lawlessness. The results of the heroes' life quests are conditioned by the value orientations that dominate their minds: for the humble fulfillment of what fate has ordained and for a gracious personal evolvment.

Keywords: V. S. Grossman, For a Just Cause, Life and Fate, spiritual tradition, Christian axiology, moral transformation, Shaposhnikov, Mostovsky, big time

For citation: Kondratiev A. S. Christian Axiology of the Characters of the Novel by V. S. Grossman's "Life and Fate". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 284–298. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13562. EDN: RKDQRV (In Russ.)

Освоение духовной целостности историко-литературного процесса, укорененного в национальном самосознании православного народа, направляет исследовательские поиски, методологически восходящие к etic-подходу¹, на понимание художественно-философского смысла русской классики в «спектре адекватности» авторскому сознанию: «...понятие "христианской традиции" является фундаментом подобных категорий филологического понимания, обращенного к русской классике. Присутствие в произведениях культурной памяти может быть определено как традиция. Осмысление в художественном творчестве христианской сущности человека и христианской картины мира, имеющее трансисторический характер, свидетельствует о собственно *христианской традиции*» [Есаулов, 2017а: 23].

В этом контексте духовной традиции и художественных исканий русской классики и роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» невозможно свести только к проблеме воплощения военной темы. Подобно «Войне и миру» Л. Н. Толстого (т. 4, ч. 3), где повествование выстроено «данной нам Христом мерой хорошего и дурного»² как отслеживание преломления оппозиции Закона и Благодати в судьбах людей и в истории, и эпопея Гроссмана описывает нравственное становление человека в испытаниях на культурно-историческом переломе. С. И. Липкин, посвященный в коллизии творческого пути

¹ Отмечая различия между *изучением* и *пониманием*, И. А. Есаулов определяет стратегию развития гуманитарных наук: «...в etic-подходе доминирует именно "объяснение", тогда как etic-подход базируется на "понимании". Евангельский текст именно такой неисчерпаемый предмет понимания, который всегда будет сопротивляться любому внешнему объяснению» [Есаулов, 2011: 19]. Расширение культурологического горизонта научного восприятия исходного материала было обозначено И. А. Есауловым в его монографии «Категория соборности в русской литературе» (Петрозаводск, 1995) (см.: [Есаулов, 1995]) и получило признание исследовательского сообщества: «...автор <...> дает новое определение содержания русской литературы. Это делает его исследование незаурядным явлением, которое можно определить одним словом — открытие. И. А. Есаулов не только ввел <...> новые категории филологического анализа, но показал и доказал их плодотворность в анализе русской литературы» [Захаров: 5].

² Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7. С. 176 [Электронный ресурс]. URL: https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_7/0030_4-53.htm (01.11.2023).

В. С. Гроссмана, обратил внимание на затаенные планы автора «Жизни и судьбы»:

«Когда я как-то спросил, как будет называться вторая книга, Гроссман ответил: "Как учит русская традиция, между двумя словами должен стоять союз "и"»³.

Если «Слово о Законе и Благодати», «*пасхальная проповедь*» первой половины XI в. митрополита Илариона, «является одновременно и истоком русской словесности как таковой»⁴ (этот «символический факт еще не осмыслен в должной мере», «русская словесность словно бы отрывалась от своего истока» [Есаулов, 2017b: 13]), то оппозиция *жизни и судьбы*, вынесенная в заглавие второй книги сталинградской диалогии, является прецедентной для христианской культуры антиномией Закона и Благодати⁵. С этим склонен был согласиться и С. И. Липкин:

«Двигались годы ежедневного труда, и Гроссман мне читал главы, сцены из романа <...> [его] стала волновать тема Бога, тема религии»⁶.

Диалогия Гроссмана «За правое дело» и «Жизнь и судьба» вполне может быть рассмотрена как часть советской литературы — скажем, ее «оппозиционного» субварианта (наподобие «Конармии» И. Бабеля), но она же может быть проанализирована также и в контексте «большого времени» русской культуры, укорененной в христианской традиции.

³ Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Берзер А. С. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 36.

⁴ Ср. слова апостола Павла из обращения к галатам в ответе Ивана Грозного пастырю Общины чешских братьев Яну Роките: «Упразднитесь от Христа, и законом оправдаетесь, от благодати отпадаете» (Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. С. 109).

⁵ Е. П. Барышников выявил христианскую составляющую в художественной антропологии «Войны и мира» Л. Н. Толстого: «... человек сильнее всего, когда доходит до предела в горе и отчаянии: в эту роковую минуту вступает в то, что Толстой назвал "судьбой", но вернее было бы назвать *благодатью*» [Барышников: 8]. МАС дает такое определение лексического значения слова «судьба»: «1. Складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств...» (Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1984. Т. 4. С. 302), которое находит параллель в новозаветных словах: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» (Еф. 2:8).

⁶ Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. С. 36–37.

Сталинградская битва дана в повествовании на фоне истории семьи Александры Владимировны Шапошниковой, вдовы самарского революционера и инженера-мостостроителя, окончившей еще в юности высшие женские курсы по естественно-научному профилю и свободно владеющей европейскими языками. Роман «За правое дело» начинается сценой встречи Гитлера и Муссолини, противопоставленной описанию сборов колхозника Вавилова на войну: с семейного торжества, устроенного перед наступлением вражеской армии, и с планов домочадцев на вызывающее тревогу смутное грядущее. Повествование «Жизни и судьбы» завершается уже после победы под Сталинградом встречей родных и близких Александры Владимировны перед возвращением к мирной жизни, когда настает пора размышлять о потерях и обретениях (обе сцены встречи родственников объединены повторяющейся деталью: на стол подаются пироги).

Следует обратить внимание на различие художественных систем романов, при их тематической близости (Сталинградская битва). В повествовании первой части дилогии, «За правое дело», преобладает военно-историческая конкретика воплощенных на *законническом* поле картин испытаний православного народа; «путешествие в глубь человека тогда не состоялось»⁷, что и актуализировано в заглавии ключевым словом «правый»⁸, апеллирующим исключительно к человеческому волеизъявлению. И поэтому прощальное письмо матери Штрума, погибшей в бердичевском гетто, не было опубликовано, т. к. в нем

⁷ Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. С. 46.

⁸ «Право¹. Совокупность устанавливаемых и охраняемых государством норм, правил поведения, регулирующих общественные отношения между людьми...» (Словарь русского языка в 4 т. М.: Русский язык, 1983. Т. 3. С. 354). Заглавие отсылает к известной речи В. М. Молотова от 22 июня 1941 г., заключавшейся словами: «Наше дело правое» (Известия. 1941. № 147 (7523). 24 июня. С. 1). А само произведение, казалось бы, представляет собой «добросовестный советский роман», «вершину соцреализма», что сказалось и на читательских практиках: «Для большой литературы уже и никакой переделкой спасти эту книгу нельзя <...> книга <...> не сотрётся из литературы своей эпохи» (Солженицын А. Дилогия Василия Гроссмана. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 2003. № 8. С. 160, 161). Однако духовное содержание замысла обусловлено вовсе не канонами соцреализма, реализующимися в «малом времени» отечественной культуры.

намечалось углубление представлений о человеке, попавшем под расчеловечивающий прессинг *законнических* установок:

«Многие люди поразили меня. И не только темные, озлобленные, безграмотные. Вот старик педагог <...> всегда спрашивал о тебе, просил передать привет <...> А в эти дни проклятые, встретив меня, не поздоровался, отвернулся»⁹.

«Жизнь и судьба», подводящая итоги «правого дела», переключает понимание происходящего с этих, граничащих с *беззаконием*, установок Закона — на то, что на судьбы человека и мира влияет *Благодать* Святого Духа: «Хочется, чтобы все по-иному стало на этой святой земле» (Гроссман, 1998: 639). К этому выводу и приходит Александра Владимировна Шапошникова, приложившая немало усилий к стяжанию *законнических* ориентиров на пути становления человека, трагически преломившихся в ее семейной истории и судьбе Святой Руси.

Михаил Сидорович Мостовской, человек из близкого окружения старшей Шапошниковой, преисполнен неколебимой уверенности в победе партийной идеи над фашистским мракобесием:

«А советская сила — огромная сила. И есть у нас партия, чья воля собирает, организует спокойно и разумно всю мощь народа»¹⁰.

Старый большевик, вдохновенно совративший в ссылке с праведного пути Николая Крымова, ставшего убежденным функционером, расставляет *законнические* приоритеты в духовном опыте человека, совпадающие с гитлеровской самонадеянностью, о которой с поразительной откровенностью фюрер поведал Гиммлеру:

«Теперь, когда я поставил Россию на колени, когда она простоит коленопреклоненной пятьсот лет <...> Ключ победы в моих руках» (Гроссман, 1989: 370).

⁹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба: роман // Гроссман В. С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Вагриус: Аграф, 1998. Т. 2. С. 54. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Гроссман, 1998* и указанием страницы в круглых скобках.

¹⁰ Гроссман В. С. За правое дело: роман: книга первая. М.: Советский писатель, 1989. С. 39–40. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Гроссман, 1989* и указанием страницы в круглых скобках.

Устроители нового миропорядка: верный ленинец, помышлявший о всемирном благе, и обезумевший радетель о германском величии — полагаются на созидательную силу провозглашенной бесовской программы кажущегося преобразования мира и человека.

Кульминационная сцена разговора большевика Мостовского и гестаповца Лисса выписана как освещение духовного прозрения героев, в идеологическом ракурсе противопоставленных друг другу как представителей враждебных систем. В концлагере, куда попал движимый пропагандистской страстью Мостовской, его, как видного деятеля из числа сталинских адептов, вызывают на беседу с представителем Гиммлера Лиссом — штурмбаннфюрером СС, выпускником Берлинского университета, журналистом. У Лисса, с которым любил встречаться рейхсфюрер СС Гиммлер, в Управлении безопасности «было высокое положение без высоких должностей, — он считался умным человеком» (Гроссман, 1998: 357), в отличие от Эйхмана, заурядного и маловыразительного служаки нацистского режима, из провинциалов, взметнувшегося по карьерной лестнице на невероятные высоты. Признав Управление безопасности «стержнем жизни» или некоей «волшебной палочкой», дающей власть над миром и людьми, Лисс не раз ловил себя на мысли, что все происходящее в Германии делается словно бы ради блага неких «умных циников» и ограниченных олухов, не упустивших возможности заявить о себе (Гроссман, 1998: 359). Но он старался подавлять возникавшие и будоражившие его сомнения. Преуспевший же на идеологическом поприще Мостовской не знал сомнений и «ясно видел, что мощь советской державы во много раз больше силы старой России, что миллионы <...> сильны своей верой, <...> любовью к советскому отечеству» (Гроссман, 1989: 49). И неспроста после торжественного заседания областной партийной организации, посвященного 25-летию Октября, Крымов, введенный в революцию Мостовским, слышит, как сторож на СталГРЭСе, словно повинувшись душевному порыву, запел: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...» (Гроссман, 1998: 390). От старого — стало быть, православного. Вера Лисса в «волшебную палочку», а точнее — в Гитлера, и романтические

воспоминания Мостовского о Втором конгрессе Коминтерна, когда Ленин предрекал: «Грядет основание международной Советской республики...» (Гроссман, 1989: 45), — все это во многом, по аксиологическим координатам, сближает самоуверенных бойцов антихристианского фронта и стяжателей безблагодатного самоопределения (по *законническому* измерению вроде бы разведенных в разные стороны в социально-политическом противостоянии).

В облике Лисса Мостовской, к немалому своему удивлению, ничего отталкивающего и враждебного так и не заметил, а слова гестаповца насчет переделки человека по бесовским лекалам: «Наши руки, как и ваши, любят большую работу, не боятся грязи» — показались ему «повторившими его собственные» (Гроссман, 1998: 293). Лисс обращается к Мостовскому как к учителю, указавшему путь без Христа:

«Мы форма единой сущности — партийного государства» (Гроссман, 1998: 298).

Мостовской старается изо всех сил не признавать правоты собеседника, пытающегося найти в нем опору, и отвечает ему с напускной торопливостью и злобой, ожидая, что Лисс вправе отнестись к нему, как к врагу, — тогда бы «все стало просто и легко» (Гроссман, 1998: 296). Получалось, что они оба — соратники и союзники, и это подтвердил Лисс:

«Если мы победим <...> останемся без вас, одни против чужого мира, который нас ненавидит» (Гроссман, 1998: 293).

Схоже, с тревожной иронией, Лисс воспринял предположение Эйхмана о дальнейшем сотрудничестве по *изведению* жизни:

«Если вы разделите со мной труд, а Гитлер проиграет, мы будем висеть вместе <...> Перспектива прекрасная, стоит подумать» (Гроссман, 1998: 358).

Слушая откровения Лисса, Мостовской ловит себя на том, что и он переживал подобное:

«Может быть, эти сомнения, изредка то робко, то зло вдруг охватывавшие его, и были самым честным, самым чистым, что жило в нем. А он давил их <...> В них динамит свободы!» (Гроссман, 1998: 296).

И Мостовской, не в силах затушевать свое прозрение, проходит через точку высвобождения «свободы в человеке» как «очеловечивания людей» — победы жизни над нежизнью:

«...всей силой души, всей революционной страстью своей ненавидеть — лагеря, Лубянку, <...> Сталина, его диктатуру! <...> Надо осудить Ленина!» (Гроссман, 1998: 296).

Восстановление исконных аксиологических доминант в сознании Мостовского (застывшего отнюдь не на краю пропасти, как ему показалось, а перед прозрением, когда со всей очевидностью обнаруживается инквизиторская подмена христианской аксиологии, истины, добра и красоты, — чудом, тайной и авторитетом) совпало с победным наступлением на сталинградском фронте и роспуском Коминтерна, а также восстановлением патриаршества. Мостовской, разменявший харизму Ершова, одного из лидеров лагерного подполья, на чистоту анкеты, сам же по законническим установкам был ликвидирован. В разговоре с Ершовым он как-то заметил, в связи с чтением исповеди Иконникова, оставившего свое письмо и отказавшегося строить газовую печь, что евангелистом-то уж точно никогда не станет. Когда же Осипов, развеяв сомнения Мостовского насчет отношения к Ершову, вернул Михаила Сидоровича к законническим параметрам восприятия и оценки человека и мира, настало облегчение — снова ясная парадигма ориентиров, смоделированных его волей и, казалось бы, подвластных ему:

«...почувствовал, что невыносимое, мучительное ощущение сложности жизни уходит. Вновь, как в молодое время, мир показался ясным и простым, разделился на своих и чужих» (Гроссман, 1998: 237).

А это не что иное, как нарушение иерархии Закона и Благодати, когда доминантой становится именно Закон, а не Благодать, и подмена составляющих духовной оппозиции — сердцевины православного сознания и духовной традиции русского народа.

В поэме «Великий инквизитор», рассказанной Иваном Карамазовым брату Алеше, 90-летний кардинал вынужден был признать незыблемость христианской аксиологии:

«...ты был прав <...> тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы»¹¹.

Продолжая размышления Ф. М. Достоевского, В. С. Гроссман пишет о происходящем на его глазах, преломленном в духовном опыте православного народа, одолевшего под Сталинградом, на берегу замерзшей Волги, беснующихся злодеев с якобы «самой передовой теорией»:

«Кто из гибнущих и обреченных гибели мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни <...> после десятилетия тотальной бесчеловечности!» (Гроссман, 1998: 548).

И отнюдь не военный эпизод — свидание в осажденном Сталинграде Зины с Бахом, офицером вражеской армии, — выявляет это самое очеловечивание:

«Она задумчиво гладила Баха по волосам <...> А сердце билось, билось и не хотело слушать хитрый, предупреждавший ее, страшавший голос» (Гроссман, 1998: 737).

До встречи с ней Бах в дневнике оставил такую запись:

«Сегодняшнее преступление — фундамент завтрашней добродетели» (Гроссман, 1989: 607).

И вслед за рассказом об их истории — тоже радость: у Евгении Николаевны, отвергнувшей статус генеральши и решившейся на участь супруги ссыльного, на Лубянке приняли передачу Крымову. Такая радость, что Виктор Павлович даже сел за пианино, а победный голос Левитана сообщил: «А также танковый корпус под командованием полковника Новикова» (Гроссман, 1998: 744), который ждал Евгению Николаевну в Сталинграде.

Уже после победы один из гостей Александры Владимировны Шапошниковой, муж ее погибшей в Сталинграде дочери Маруси, Степан Федорович Спиридонов — ставший на войне дедом, сохранивший в военное лихолетье СталГРЭС —

¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 232.

с уверенностью, несмотря на отстранение от работы и новое назначение в уральское захолустье, произнес:

«Тучей на нас шли, а где эта туча? Победила Советская Россия» (Гроссман, 1998: 647).

В. С. Гроссман, воплощая в романе итоги понимания Победы, приходит к иным выводам. Комкор полковник Петр Павлович Новиков прибывшее пополнение, в отличие от генерала Неудобнова, видит богатырями:

«...они походили на сельских школьников, отдохавших на перемене между уроками. Их худые лица, тонкие шеи, <...> все это было совершенно детским» (Гроссман, 1998: 373).

Они-то и победили, так что пополнение было отнюдь не *бросовым* (Гроссман, 1998: 375).

Майор медицинской службы Софья Осиповна Левинтон, в газовой камере, в предчувствии Страшного суда, заменяет мать доверившемуся ей мальчику Давиду.

Крымову, направленному в дом капитана Грекова, чтобы *восстановить* там большевистский дух, так и не удалось «слоमितь» *управдома*. Уличенный в недоверии к советской идеологии, тот сохранил жизнь Сереже Шапошникову и радистке Кате — они переживали мгновения первой влюбленности под огнем противника.

Нравственное становление человека в художественном мире романа Гроссмана определяет характер времени: «Быть человеческим для Василия Гроссмана означало стать подлинным героем, как стали героями Греков, Рубин, Березкин, отчасти Новиков. Персонажи проявляют свою моральную сущность во времени и со временем» [Ланин: 30].

Так, поверженный *законнической* системой, Крымов на Лубянке получает передачу, в которую вложена записка с подписью: «твоя Женя». Так, наступление под Сталинградом состоялось вопреки Крымову, готовому из благих побуждений, заботясь о чистоте партийной теории, устранить Грекова, вопреки комиссару Гетманову, вопреки начальнику штаба генералу Неудобнову, написавшему донос на Новикова, не потерявшего ни одной машины и без людских потерь возглавившего движение танкового корпуса к западным границам. Наступление

состоялось не по воле властей, но вопреки им, — по воле принявших благодатное покровительство Святого Духа.

Завершив роман «Жизнь и судьба», Гроссман 24 октября 1959 г. писал из Крыма С. И. Липкину:

«Я не переживаю радости, подъема, волнений. Но чувство хоть смутное, тревожное, озабоченное, а уж очень серьезное оказалось. Прав ли я? Это первое, главное. Прав ли перед людьми, а значит, и перед Богом?»¹²

И речь не о судьбе книги, которая виделась предрешенной, но об открывшихся в его сознании пророческих прозрениях и духовных предостережениях, не сопоставимых с возобладавшей в национальном миропонимании стереотипной аксиоматикой, — подобное же состояние переживали и А. С. Пушкин по поводу «Евгения Онегина», и И. А. Гончаров, целое десятилетие не расстававшийся с романом «Обломов». Последние слова в романе о Сталинградской битве Гроссман отдает Александре Владимировне Шапошниковой — ведь судьба страны складывается из *жизни* и *судьбы* каждого. Она мысленно обращается к Мостовскому, а отчасти даже и к самой себе, не узнавая свой разрушенный Сталинград: «Почему так запутана, так неясна <...> судьба» (Гроссман, 1998: 643) ее родных и близких? Она размышляет о том, как бы предостеречь от трагических последствий подмены спасительной благодати сомнительным *законничеством*:

«...но не дано <...> року истории, и року государственного гнева, и славе, и бесславию битв изменить тех, кто называется людьми <...> и в том их вечная горькая людская победа над всем величественным и нечеловеческим, что было и будет в мире, что приходит и уходит» (Гроссман, 1998: 644).

Евгения Николаевна Шапошникова, принявшая решение изменить свою жизнь и возвратиться к оставленному ею же Крыму, с тревогой и надеждой приближается к Лубянке и на уровне культурного бессознательного ощущает, что ступает на благодатный путь человеческого самоопределения:

---

¹² Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. С. 43.

«Старая судьба стала ее новой судьбой. То, что, казалось, навсегда ушло в прошлое, стало ее будущим» (Гроссман, 1998: 510).

Нравственный выбор Мостовского, Софьи Осиповны Левинтон, Жени Шапошниковой и даже прозрение Паулюса после Сталинграда свидетельствуют о духовной состоятельности иерархии Закона и Благодати, или *жизни и судьбы*, как доминант национального самосознания православного народа.

Список литературы

1. Барышников Е. П. «Жизнь для других» как нравственно-эстетическая категория творчества Л. Н. Толстого // «Война и мир» Л. Н. Толстого: духовные константы и социальные переменные отечественной истории: мат-лы XVI Барышниковских чтений. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2019. С. 4–9 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41253222_60182473.pdf (01.11.2023). EDN: SOENAX
2. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 287 с.
3. Есаулов И. А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 5–23 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962763.pdf (01.11.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.300. EDN: QBFTTT
4. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: РХГА, 2017. 550 с. (а)
5. Есаулов И. А. Оппозиция Закона и Благодати и магистральный путь русской словесности // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 13–42 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfb.ru/rffi/ru/books/o_2061116 (01.11.2023). (b)
6. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 5–30 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (01.11.2023). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472. EDN: RUYKBH
7. Ланин Б. Философские идеи Василия Гроссмана // Acta Slavica Iaponica. Т. 36. 2015. С. 25–38 [Электронный ресурс]. URL: <https://laninboris.com/wp-content/uploads/2015-grossman-pp.25-38.pdf> (01.11.2023).

References

1. Baryshnikov E. P. "Life for Others" as a Moral and Aesthetic Category of L. N. Tolstoy's Creativity. In: "Voyna i mir" L. N. Tolstogo: *dukhovnye konstanty i sotsial'nye peremennye otechestvennoy istorii: materialy XVI Baryshnikovskikh chteniy* [L. N. Tolstoy's "War and Peace": *Spiritual Constants and Social Variables of Russian History: the Materials of the 16's Baryshnikov's Readings*]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky Publ., 2019, pp. 4–9. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_41253222_60182473.pdf (accessed on November 1, 2023). EDN: SOEHAX (In Russ.)
2. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [*The Category of Sobornost' in Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 287 p. (In Russ.)
3. Esaulov I. A. Gospel Text in Russian Culture and Modern Science. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 5–23. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962763.pdf (accessed on November 1, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2011.300. EDN: QBFTTT (In Russ.)
4. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [*Russian Classics: a New Understanding*]. St. Petersburg, The Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2017. 550 p. (In Russ.) (a)
5. Esaulov I. A. The Opposition of Law and Grace and the Main Path of Russian Literature. In: *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste* [*Russian Classical Literature in the World Cultural and Historical Context*]. Moscow, Indrik Publ., 2017, pp. 13–42. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2061116 (accessed on November 1, 2023). (In Russ.) (b)
6. Zakharov V. N. Orthodoxal Aspects of Russian Ethnopoetics Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 1998, issue 5, pp. 5–30. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (accessed on November 1, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472. EDN: RUYKBH (In Russ.)
7. Lanin B. Philosophical Ideas of Vasily Grossman. In: *Acta Slavica Iaponica*, 2015, vol. 36, pp. 25–38. Available at: <https://laninboris.com/wp-content/uploads/2015-grossman-pp.25-38.pdf> (accessed on November 1, 2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кондратьев Александр Степанович, *Alexander S. Kondratiev*, PhD (Философия), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (ul. Lenina 42/1, Lipetsk, 398020, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8355-0424>; e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 11.11.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.01.2024

Принята к публикации / Accepted 15.01.2024

Дата публикации / Date of publication 14.02.2024